

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

МАРТ-АПРЕЛЬ

"НАУКА"

МОСКВА - 1998

Е.В. У р ы с о н (Москва). Языковая картина мира VS. обиходные представления (модель восприятия в русском языке).....	3
В.П. К о н е ц к а я . Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии.....	22
Ф. Х у н д с н у р ш е р (Мюнстер). Основы, развитие и перспективы анализа диалога.....	38
Р. М а р о в е в и ч (Белград). Этюды по грамматике древнерусского языка. II (Посессивы типа <i>Творимиричь</i>).....	51
Р.Н. К р и в к о (Москва). Древнерусская орфография XI–начала XII века в свете суперсегментных тембровых оппозиций	60
М.В. И в а н о в а (Москва). Древнерусская агиография конца XIV–XV в. как источник истории русского литературного языка.....	79
Н.В. П е р ц о в (Москва). К проблеме инварианта грамматического значения. II. (Императив в русском языке).....	88
Ю.А. П у п ы н и н (С.-Петербург). Элементы видо-временной системы в детской речи.....	102
Р.К. П о т а п о в а (Москва), Т.А. Г о р д е е в а (Пенза). К вопросу о пограничных сигналах в современном немецком языке (применительно к региональным вариантам немецкого языка в ФРГ, Австрии, Швейцарии).....	118

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р е ц е н з и и

В.Б. К р ы с ь к о, А.Н. Ш а л а м о в а (Москва). "Ein Rusch Boeck...": Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert; <i>Fałowski A.</i> "Ein Rusch Boeck..."	129
М.М. М а к о в с к и й (Москва). <i>Д.О. Добровольский</i> . Немецко-русский словарь живых идиом.....	134
А.В. М о р о з о в а (Москва). <i>M. Haspelmath</i> . Indefinite Pronouns	139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки.....	143
А. Д у л и ч е н к о (Тарту). Письмо в редакцию.....	155

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев,
 Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик, М.М. Маковский (отв. секретарь),
 Т.М. Николаева (зам. гл. редактора), Ю.В. Откупщиков,
 В.В. Петров, В.М. Солнцев,
 О.Н. Трубачев (главный редактор), А.М. Щербак
 Зав. отделами М.М. Маковский, Г.В. Строчкова
 Зав. редакцией Н.В. Ганнус

А д р е с р е д а к ц и и: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2.
 Институт русского языка, редакция журнала "Вопросы языкознания"
 Тел. 201-74-42

© 1998 г.

Р.Н. КРИВКО

ДРЕВНЕРУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ XI – НАЧАЛА XII ВЕКА В СВЕТЕ СУПЕРСЕГМЕНТНЫХ ТЕМБРОВЫХ ОППОЗИЦИЙ*

Одной из важнейших характеристик общеславянской фонологической системы были противопоставления по тембру, или тональности. Более высокий, дизный, характер звучания гласного или согласного образуется за счет дополнительной артикуляции спинки языка в области твердого нёба, в результате чего сокращается объем ротового резонатора и происходит повышение тона звучания. Так образуются п а л а т а л и з о в а н н ы е, д и з н ы е, звуки, которым противопоставляются звуки б е м о л ь н ы е, с более низким тембром звучания. При их образовании объем ротового резонатора увеличивается или за счет лабиализации, или в результате сдвига массы языка назад, в область мягкого нёба, что и способствует понижению тона. В случае артикуляции языка назад происходит рефлекторное напряжение небной занавески (лат. *velum*), поэтому такие бемольные звуки называются в е л я р и з о в а н н ы м и. В истории русского языка тембровые различия согласных звуков по признаку дизности – недизности легли в основу корреляции по мягкости – твердости, которая охватывает почти весь консонантизм и определяет характер русской фонологической системы.

В древнерусской орфографии тембровые противопоставления обозначались во многом за счет особых закономерностей употребления букв *а*, *ѡ*; *е*, *ѣ*; *ю*, *ѣ* после согласных, кроме тех, которые обозначали шипящие и аффрикаты: последние не имели в праславянском и древнерусском языках фонетических пар по твердости – мягкости. Как известно, в южнославянских рукописях буквы *ѡ* или *ѡ* (*ѡ*) после *ш*, *ж*, *ѡ*, *ѡ* встречаются крайне редко (см. статистические данные в: [Зубова 1975: 20–21]), поскольку тональность в слоге с шипящими и [ц] выражалась с помощью самих согласных букв, а значит, не было необходимости обозначать дизность дополнительно с помощью гласных [Lunt 1949:37; Kulbakin 1929:188–206], однако распространенные в древнерусских памятниках написания букв *ѡ*, *ѡ* после шипящих и аффрикат встречались часто, что может "доказывать сохранение мягкого (палатального? – Р.К.) признака этих согласных" [Древнерусская грамматика 1995:67]. После тех же согласных *ш*, *ж*, *ѡ*, *ѡ* в старославянских памятниках последовательно пишется буква *ю*, а в Синайском требнике также *ѣ*, а не *ж*. Из "классических" памятников старославянского языка исключение составляют Киевские листки, где нет буквы *ѣ* и после буквы *ш* пишутся *ѣ* и *ѡ* [Ван-Вейк 1957:129–131, 185; Зубова 1975:20–21]. Восточнославянские данные позволяют судить, что в древнерусских рукописях XI–XIV веков особой нормы относительно употребления букв *ѡ*, *ю* после шипящих не существовало [Зубова 1976:33–36].

* За советы и помощь при подготовке статьи автор обязан И.Г. Добродомову. За внимание, проявленное к готовящемуся материалу, и за содействие в знакомстве с некоторыми труднодоступными даже в московских библиотеках изданиями автор благодарен В.К. Журавлеву, В.В. Колесову и Т.Л. Мироновой. Ценные критические замечания о первом варианте статьи были высказаны В.М. Живовым и с благодарностью учтены автором.

Закономерности употребления букв **ѡ**, **ѣ**; **ѣ**, **ѥ**, **ѥ** после согласных, кроме шипящих и аффрикат, в древнерусских памятниках XI–XII веков с фонологической точки зрения до сих пор объяснялись в основном только с позиций изложенной во многих, но не всех, академических исследованиях и вузовских грамматиках теории праславянской полумягкости согласных и вторичного смягчения полумягких [Древнерусская грамматика 1995:30–31; Иванов 1983:93; Калнынь 1956:120–150; Калнынь 1961:8 и далее; Бернштейн 1961:238–239]¹. Полумягкость определяется как "незначительная степень палатальности" [Громова 1981:20]: считается, что хотя в праславянском языке артикуляция согласного перед гласными переднего ряда "менялась, но согласные не получали той йотовой артикуляции, которая характерна для мягких, то есть при их произношении в меньшей степени поднималась спинка языка к твердому нёбу" [Иванов 1983:93].

Функция йотированных букв в древних славянских письменных памятниках определяется так же, как и в современных восточнославянских языках, где буквы **е**, **ю**, **я** обозначают мягкость предшествующего согласного. Начиная с известной статьи Л.Л. Васильева, ставшей орфографическим обоснованием для теории А.А. Шахматова о полумягкости и вторичном смягчении праславянских полумягких согласных [Васильев 1913:181–206], считается, что в рукописях, в которых обозначалась мягкость согласных, йотированные гласные буквы последовательно употреблялись после букв **р**, **л**, **н**, **с**, **з**, обозначавших так называемые исконно мягкие согласные, возникшие в результате палатализаций заднеязычных и йотовой палатализации сонорных. Так, в Остромировом евангелии известно в общей сложности 43 написания с **ѡ**, **ѣ** после **р**, **л**, **н**, **с**, **з**, обозначавших мягкие согласные (в остальных случаях пишется **ѡ**), например, **хоуѡлаухъ** (л. 179 об.), **ѡсакого** (л. 2), **поустыня** (л. 98 об.). В Изборнике 1073 г. подобные примеры также находятся в большом количестве [мнѡше (л. 5г), срамлѡн сѡ (л. 48в), хранѡштинѡ (л. 8б), прикмѡлѡ (л. 84г) и т.д.], причем после **л**, **н** (из **lj*, **ni*) в Изборнике 1073 г. могли употребляться одновременно и йотированные, и "крюк" над предшествующим согласным: **ѡѡвѡнѡтъ сѡ** (л. 9б), **осрамлѡющѡго** (л. 5б), **оставлѡти** (л. 6б) и так далее. Большой материал дают также сборник 13-ти слов Григория Богослова (XI в.), Пандекты Антиоха, Синайский патерик, Чудовская псалтырь, Житие Кондрата, Евгениевская псалтырь, Архангельское евангелие, Новгородская служебная минея 1097 года, отдельные примеры содержатся в Путягиной минее, новгородской служебной минее 1096 года и в рукописях XII века, таких, как Добрилово евангелие (1164 г.), Сборник поучений, Монастырский устав, подробно разобранных с этой точки зрения Л.Э. Калнынь [Калнынь 1956:138–145]. Буква **ѡ** часто пишется после "мягких" **л**, **н** третьим писцом мало пока изученной Бычковско-Синайской псалтыри (конец XI – нач. XII века)²: **зеѡмѡ** (nom. sg., лл. 43, 58 об., 60), **зеѡмѡ** (gen. sg., лл. 52, 56 об.), **нѡ** (лл. 63, 102), **вышнѡаго** (л. 69 об.), **нѡковѡ** (л. 68 об.), **орѡ** (л. 91 об.), **изгонѡухъ** (л. 89), **гѡѡ** (л. 46 об.), **оудѡлѡющн сѡ** (л. 55), **нѡдѡмѡ** (acc. pl. fem., л. 56 об.), всего 35 однотипных примеров, 1 раз встретилось написание буквы **ѡ** после **л**: (**вѡ**) **зеѡмѡѡ** (л. 134 об.). Мягкость **л**, **н**, а также **р**, могла передаваться и с помощью особой диакритики, наиболее подробно описанной В.С. Гольшенко [Гольшенко 1987: 20–22].

¹ Ср.: [Бурмистрович 1995; Живов 1996:178–202].

² Часть рукописи известна под названием Бычковской псалтыри и хранится в Петербурге (ГНБ, Q. п. I.73), два других отрывка находятся в рукописном собрании монастыря Св. Екатерины на Синае (Sin. Slav. 6/0 и Sin. Slav. 6/N). История изучения памятника кратко описана: [Кривко 1996:30–34]. Примеры, взятые из большей (135 лл.) синайской части рукописи (Sin. Slav. 6/0), приводятся по фототипическому изданию: [Altbauer, Lunt (ed.) 1978]. Шифр большей синайской части здесь и далее в статье не указывается. Меньшая синайская часть (Sin. Slav. 6/N, 17 лл.) цитируется также по фототипическому изданию: [Tarnanidis 1988:249–281].

Длительное время считалось, что только с конца XI века, за редкими исключениями, йотированные буквы начинают использоваться после букв, обозначающих праславянские полумягкие, что объясняется происшедшим во второй половине XI века вторичным смягчением полумягких и появлением силлабем, как их понимал Р.И. Аванесов [Аванесов 1970: 278–299], который, в отличие от автора термина, Р.О. Якобсона, не относил начало периода силлабем к праславянской эпохе.

Материал большого количества источников показывает, что закономерности употребления йотированных букв в древнерусских памятниках XI–XII веков сложнее, чем полагал Л.Л. Васильев: прежде всего, не только йотированные буквы, но и буквы **л**, **н** могли употребляться после **л**, **н** (из *lj, *nj) и **с**, **з** (**з**) (из праславянских сочетаний *χ, *g с гласными переднего ряда) как в памятниках, передающих мягкость **л**, **н** (из *lj, *nj), а иногда **р** и даже **жд**, с помощью "крюка", так и в тех рукописях, где особая диакритика для выражения мягких согласных не использовалась. Как правило, в древнерусских источниках XI–XII веков мягкость согласных передавалась не везде одинаково последовательно, причем ее обозначение "проведено более последовательно в памятниках, употребляющих в качестве знака ' или исключительно крюк или крюк наряду с йотированными буквами... В памятниках с крюками редки случаи написания йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости. В памятниках, передающих мягкость с помощью йотированных букв, обозначение мягкости проведено менее последовательно. Здесь шире известно употребление йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости" [Калнынь 1956:138–145]. В рукописях, где передается исконная мягкость согласных, ее обозначение проведено часто, но не везде.

Среди памятников XI–XII веков есть и такие, в которых исконная мягкость вообще не обозначается: после согласных в соответствии со звуком [a] в рефлексах сочетаний *Cja и *Cje пишется **л**, в соответствии со звуком [e] в рефлексах сочетаний *Cje – e (где C – всякий согласный), а буквы **т**, **к** употребляются лишь для обозначения соответствующих йотированных гласных. К таким рукописям относятся Изборник 1076 года, Постная триодь XI века, мартовская служебная минея XI века, третий почерк Синайского патерика, один из почерков июльской служебной минеи XI–XII веков, Служба Иерофею Афонскому (XI–XII вв.), Юрьевское евангелие 1120 года, Стихирарь праздничный 1163 года [Калнынь 1956:145; Гольщенко 1987:57], а также части Бычковско-Синайской псалтыри, написанные ее первым и вторым писцами: **сѣтра**сѣть (л. 4), **гѣа** (gen. sg., л. 1 об.), **избавлѣа** (л. 11), **хранѣа** (л. 5 об.), **творѣа**ми (л. 3), **творѣа** (л. 10), **всѣа** (л. 2), **сѣына** (gen. sg., л. 4 об.), **всѣакъ** (л. 7), **землѣа** (nom. sg., л. 25 об.), **гѣа** (nom. sg., Sin. Slav. б/Н, л. 5), **посрамлѣа**ють **сѣа** (л. 10 об.) и так далее (первый писец); **тѣрпѣ**ци (л. 13 об.), **обращѣ**ши (л. 13 об.), **наследѣ**ть (лл. 13 об., 14 об.), **наслаждѣ**ть **сѣа** (л. 14) и так далее (второй писец). Г. Лант вслед за Н.Н. Дурново считал эту тенденцию основной для славянских памятников [Lunt 1949:82–93; Lunt 1955:20–22], а по замечанию самого Н.Н. Дурново, основополагающее для теории полумягкости предположение Л.Л. Васильева, "что в произношении некоторых писцов согласные перед **л** не были мягки, основано на ошибочном толковании правописания памятников" [Дурново 1924б:89].

Во многих рукописях XI века, передающих мягкость **л**, **н**, **р**, **с**, **з** (**з**) с помощью йотации, встречаются случаи написания йотированных букв не только после "исконно мягких" **л**, **н**, **р**, **с**, **з** (**з**), но и после согласных букв, обозначающих так называемые полумягкие. В датированных рукописях середины XI века такие написания, как правило, единичны: так, в Изборнике 1073 года лишь дважды употребляются йотированные гласные не после **л**, **н**, **р**, **с**, **з**: **оумножиткѣ**, **глоумашта сѣа**; в Остромировом евангелии – шесть таких примеров: **вѣахъ** ("fuerunt", лл. 3 об., 11), **хотѣашѣ** (л. 18), **ндѣашѣ** (л. 4 об.), **ндѣаста** (л. 5 об.), **вндѣахуѣ** (л. 16); в недатированной точно

рукописи 13-ти слов Григория Богослова (XI в.), известен лишь 1 пример: **вкликинухъ** (л. 204 а).

Значительно больше таких написаний в Новгородской служебной минее 1097 года: **сътѣжахомъ** (л. 280), **тѣ** (л. 280), **память** (л. 281), **сподоба сѣ** (л. 281), **сътѣжеша** (л. 275), всего более 20 примеров [Калнынь 1956:145; Колесов 1980:86], которые уже нельзя считать единичными исключениями, свойственными рукописям второй половины XI века³. Более того, среди памятников XI века выделяется целая группа источников, в которых йотированные буквы часто используются не после л, н, р (из *lj, *nj, *rj) и с, з (s) из *χ, *g после гласных переднего ряда. В Архангельском евангелии, наряду с последовательным обозначением л, н (из *lj, *nj) (р**имлянына** (л. 137), кр**стѣла** (л. 82 об.), ниж**ньнаго** (л. 119) и в других случаях [Калнынь 1956:140]), написания типа **ма**, **время**, **има** являются обычными, кроме того, исследователями отмечены такие примеры, как **влоудѣ** (л. 17), **идѣста** (л. 83), **оцѣтно** (л. 114), **верема** (л. 139), **исходѣаше** (л. 150), **маккы** (л. 154), **по пенѣзю** (л. 159) [Калнынь 1956:142; Дурново 1923–1924:601, 603].

Более показательны примеры из Путятиной минее: **въ пелкнаахъ** (л. 97), **въсплскаша** (л. 12), **колксе** (л. 12 об.), **пактоша** (л. 23), **апостолк** (лл. 31, 35), **кккноу** (л. 87 об.), **дѣлксемь** (л. 37), всего 13 примеров [Калнынь 1956:145]. По мнению В.В. Колесова, эти примеры отражают вторичное смягчение полумягкого [l'], которое предшествовало смягчению остальных полумягких, так как, наряду с [r'], [n'], [s'], [z'], у этого звука была мягкая пара [Колесов 1982:85]. Однако и до конца XI века йотированные буквы могли писаться не только после согласных, имевших мягкую пару. В Минее Дубровского йотация является обычным способом обозначения всякого дизяного согласного, кроме шипящих и аффрикат [Колесов 1982:84], всего в этой рукописи встречается 40 подобных написаний: **оуѣзвѣкмъ** (л. 4б), **изѣцѣтне** (л. 7а), **прозѣве** (л. 9а–б), **клатвѣнок** (л. 9б), **память** (л. 13а), **прѣстѣтнимъ** (л. 4б), **плодѣштѣ** (л. 7а), **дѣшеоуѣвѣште** (л. 10б), **хвалѣштѣ** (л. 14б), **сѣ** (12 раз), **тѣ** (8 раз), **ма** (л. 8б), **дрквоу** (л. 4а), **пркострами** (л. 4а), **непркворимъ** (л. 4а), **потрквителю** (л. 4б), **пркстоиши** (л. 6а), **пркславне** (л. 8б), **пркмоудро** (л. 9б), **пркходитъ** (л. 9б), **нкпорочнаѣ** (л. 11а–б), **вклиѣ** (л. 4б), **чудксми** (л. 4б), **прквѣжнѣ** (лл. 4б, 9б), **зкмлю** (л. 14а), **зкмли** (л. 15б), **прнеск** (л. 7б), **прквѣзидк** (л. 14б). Убедительные примеры встречаются также в Житии Феклы [и**дѣахоу** (л. 1б), **живѣаше** (л. 2б), **ѣдѣаше** (л. 2б)] и в Листке Викторова (**хо(?)тѣаху** (л. 1б)] [Тот 1985:95, 157, 159–160]. Йотированные буквы в большом количестве употребляются в Пандектах Антиоха, но определить какие-либо закономерности в их написании после определенных согласных букв невозможно, так как все пять писцов этой рукописи⁴ допускали значительные колебания в использовании йотации. Особенно это касается второго писца, написавшего большую часть рукописи (198 лл.), орфография которого варьируется значительно, чем у остальных четырех писцов [Popovskij 1989:48–50, 93–96]. Так, на написанных вторым писцом Пандектов Антиоха листах 18 об.–29, 32–64 отсутствует йотация букв **е**, **ж**, а на лл. 123–164 буквы **к**, **е** и **ѣ**, **ж** хотя и употребляются, но без каких-либо закономерностей [Popovskij 1989:50–51]. Буква **ѣ**, согласно примерам И.Х. Тота, только на лл. 18 об. – 26 об. (в так называемой одноеровой части рукописи) 76 раз написана после букв согласных, причем не только

³ Наиболее распространено мнение, принятое и в новейшей академической грамматике древнерусского языка, что вторичное смягчение полумягких произошло во второй половине XI века. См.: [Древнерусская грамматика 1995:30–31; Иванов 1983:93; Калнынь 1956:120–151].

⁴ Количество почерков установлено И. Поповским в его монографии, посвященной этой рукописи [Popovskij 1989:45].

после р, л, н, с, з: съѣжите (л. 18б, 24а), присѣяноухъ (л. 19б), дрѣслоуѣа (л. 29б), драхловльшьн • (л. 20б), вѣжѣа (л. 21а), съѣжнвѣ (л. 23а), проклатъ (л. 23а), градоуштинхъ (л. 24а), съѣжите (л. 25а), вѣзѣтне (л. 25б), хоташтен (л. 25а), хоташтоуѣоу (л. 23б), любѣи (л. 26а), насытитъ (л. 22б), вѣстѣагновлѣнѣа (л. 21а) и так далее [Тот 1985:80–81, 149–150; Калнынъ 1956:142]. Ранее неоднократно высказывались предположения, что Пандекты Антиоха переписаны с глаголического оригинала [Амфилохий (архимандрит) 1895:92; Дурново 1924а:80], искусствоведы отмечают сходства в оформлении Пандектов Антиоха и глаголических Мариинского и Ассеманиевого кодексов [Пуцко 1987:50], наличие глаголического протографа для Пандектов Антиоха доказывал Й. Поповский [Popovskij 1989], а как известно, в глаголице не было буквы, соответствовавшей кириллической ѣ⁵. Поэтому йотация в Пандектах Антиоха никак не может быть объяснена влиянием протографа, а является яркой чертой "индивидуального подхода" [Popovskij 1989:93] писцов рукописи к выражению на письме тембровых характеристик древнерусской фонологической системы.

Интерпретация фонологического значения йотированных гласных с позиций теории полумягкости согласных, хотя и неоднократно применялась в лингвистическом описании отдельных рукописей (например, [Зубова 1975:13–25]), уже давно вызывала сомнения у исследователей (например [Булаховский 1965:62–63]), поскольку "очевидно, что опубликованные в печати сведения относительно различия писцами рукописей XI–XII вв. исконной мягкости и полумягкости согласных не являются надежной основой для определенных выводов" [Малкова 1980:81]. Понимая это, автор теории праславянской полумягкости А.А. Шахматов не опирался на данные письменных источников и относил вторичное смягчение к праславянской эпохе [Шахматов 1915:125–127], а В.В. Иванов, учитывая сложность вопроса и непоследовательность письменных данных, попытался освободить нижнюю грань относительной датировки явления от зависимости от письменных данных, полагая, что "полумягкие приобрели полную степень мягкости... приблизительно к середине XI в." [Иванов 1968:192]. Известно, что для того, чтобы языковое явление нашло себе место на страницах рукописей, то есть получило бы право на существование в книжном языке хотя бы на правах о ш и б к и – отклонения от нормы, оно должно какое-то время прожить в разговорном языке. Поэтому единичные, но все же убедительные примеры употребления йотированных букв после согласных букв д, т, м, в только лишь в Остромировом евангелии и Изборнике 1073 года должны были бы свидетельствовать о более раннем, чем вторая половина XI века, начале периода силлабем, как их толковал Р.И. Аванесов.

Письменные источники ясно показывают, что йотация в древних славянских памятниках никак не может быть последовательно связана с теорией вторичного смягчения полумягких. В.С. Гольщенко, исследовав на монографическом уровне материал большого количества рукописей, пришла к выводу, что "вторичное смягчение согласных произошло раньше того времени, от которого дошли до нас древнейшие письменные источники" [Гольщенко 1987:132]. Этому утверждению противоречат материалы Галичского евангелия 1144 года [Блохина 1976:21] и третьего почерка Бычковско-Синайской псалтыри, где йотированные буквы последовательно и без исключений употребляются после "мягких" л, н (из *lj, *nj), а это заставляет предполагать, что различие между позиционными вариантами твердых согласных перед гласными переднего ряда и так называемыми исконно мягкими согласными сохранилось даже в XII веке, а по мнению В.М. Живова, такое различие имело место вплоть до падения редуцированных [Живов 1966:185–186]⁶.

⁵ Как писал Й. Поповский, в первоначальной форме (ursprünglichen Form) глаголицы не было знака для прејотации [Popovskij 1989:93].

⁶ Ср. приводимое В.М. Живовым наблюдение С.Л. Николаева, что в псковских говорах прояснение *ъ перед мягкими сонантами (из *lj, *nj и новых йотованных) происходило иначе, чем перед теми же сонантами, но не исконно мягкими: [Николаев 1988:121, 125].

Чтобы объяснить фонетическое и фонологическое значение йотированных букв, необходимо проследить историю и причины их возникновения. В глаголице не было особой системы йотации как средства для выражения на письме тембровой характеристики звука. Несмотря на то, что глаголическая азбука содержала три буквенных знака для одного звука [i], ни один из этих знаков не использовался для письменного обозначения палатального приступа в произношении носовых звуков [jɛ], [jɔ], которым в кириллице соответствовали буквы ѣ, ѓ⁷. Отсутствие в глаголической азбуке йотированных букв и появление в кириллице знака І связывается с двумя лингвистическими ареалами, в которых по-разному проявились результаты йотовой палатализации *l и *n: в Западной Болгарии произошло полное слияние йота с плавными, на востоке же Болгарии, на родине кириллицы⁸, мягкость плавных выделилась в особую артикуляцию [Трубачев 1992:500–501; Пенкова 1969:404–407; Lunt 1955:25–27]⁹. Строго говоря, оказывается, что палатализация произошла только в западном ареале, а на востоке *l и *n пережили йотацию, то есть отчетливое выделение неслогового глайда [Дюрен 1977:74–82], что и явилось одной из внутренних языковых причин для введения в кириллическое письмо знака І в Преславе. Обозначение в кириллических памятниках палатального плавного с помощью диакритических знаков крюка (в буквах Ѧ, ѧ) или заимствованной из глаголицы каморы, закрепленных за согласными, основано на западно-болгарском и македонском произношении, которое легло в основу глаголического письма, тогда как на востоке южнославянского ареала, в преславских памятниках, для обозначения палатальности по образцу греческой йоты (ι) стали писать знак І¹⁰. Поэтому И. Гылыбов справедливо считал, что употребление йотированных букв является характерной чертой преславской книжной школы, по его классификации, одной из четырех древнеболгарских книжных школ [Гылыбов 1968:141; Гылыбов 1980:21–33]. Известные в славянских памятниках случаи отдельного написания славянского (i) с буквой гласного [Каринский 1925:13] не только лишние указывают на алфавит – источник кириллицы, но и убедительно передают произношение, господствовавшее среди книжников Восточной Болгарии [Трубачев 1992:501].

Необходимо учитывать, что из глаголических рукописей только Зографское евангелие последовательно передает палатальность [lʲ], [nʲ] [Shevelov 1979:178] с помощью каморы [Lunt 1955:22], редко и менее последовательно палатальные [lʲ], [nʲ] обозначены в Мариинском евангелии [Shevelov 1979:178]. Хотя кириллическое письмо обладало, кроме йотированных букв, широким набором диакритических знаков для

⁷ Структура и функции глаголических букв для носовых [jɛ], [jɔ] рассмотрены в [Гылыбов 1986:197; Колесов 1973:171–174], а также [Martí 1984]. Работа Р. Марти, на которую автору указал В.М. Живов, опубликована в издании, недоступном в московских библиотеках.

⁸ Вопрос о более раннем происхождении глаголицы по сравнению с кириллицей и о месте возникновения последней на сегодняшний день, в целом, решен, хотя до сих пор высказываются серьезные мнения, отличные от приведенного в настоящей работе. См. обзор и литературу: [Хабургаев 1994:109–112 и др.; Подкальски 1996:105, 112].

⁹ Теория о разных исходах йотовой палатализации в этих лингвистических ареалах подтверждается данными современных говоров Македонии, Западной и Восточной Болгарии: [Тотоманова 1992:3]. Типологические параллели прослеживаются в современных словацких *viek, vjeriť*, лужицких *vjasoly, svjaty*. В спаловском говоре моравско-словацкого ареала характерно произношение *mñilý, mñisto*, на юго-западе Чехии и в юго-западной части чешско-моравской переходной зоны часто отмечается показательное для данного случая произношение *mⁿilj*, например, *mñasol/mjaso* и тому подобное. См.: [Чекман 1979:76]. Сюда же относятся украинские *n'ять, m'ясо, дев'ять* и др.

¹⁰ В целом ряде исследований неоднократно доказывалось, что первый славянский кириллический алфавит из йотированных букв содержал только ю [Селищев 1951:39, 56; Карский 1979:168; Лавров 1914:7; Дурново 1933:57; Тот 1985:146, 170; Гольщенко 1987:22–25], происхождение которой, в отличие от других йотированных букв, неясно [Гольщенко 1987:22–26, 30]. Многие исследователи указывают, что функционально буква ю отличалась от появившихся позднее других йотированных букв, так как она могла обозначать особый звук [i] безотносительно к обозначению мягкости [Фортунатов 1919:17; Щепкин 1967:28; Ван-Вейк 1957:68, 116, 128, 129; Гольщенко 1987:28].

обозначения тембра звука, параллельное существование безъйотового глаголического письма, где палатальность в границах слога обозначалась с помощью каморы (факкультативно в большинстве памятников), оказывало ощутимое влияние на орфографию кириллических рукописей¹¹, в том числе восточнославянских. Именно отсутствием буквенного способа для обозначения тембровых характеристик звуков объясняются следующие написания Реймского евангелия, не знающего йотированных букв, кроме **к** и два раза встречающейся ю: **сьблоудаше** (л. 9в), **лоуди** (л. 4в), **лжди** (л. 7а), **сьблждаше** (л. 5б), **поклонж са** (л. 7б), **на нж** (л. 15б), **землоу** (л. 15а), **изгоноу** (л. 11б), **всждоу** (л. 31), **вьсж** (л. 9в), **поустыноу** (л. 16а) и так далее [Тот 1985:107, 148; Миронова 1996:38, 42, 78]. Аналогичные написания встречаются в Златоструе Бычкова [**вьса** (л. 2а), **вьсакъ** (л. 12а)] и в Чудовской псалтыри (**вьсж** (л. 14б) [Миронова 1996:37, 38, 42–43]. Такие написания встречаются и в упоминавшейся выше Бычковско-Синайской псалтыри: у первого писца – **млѣтѣноу** (л. 8), **лоутѣ** (л. 20); у второго писца – **изѣа** (л. 67), **кѣнѣзѣ** (конец строки¹², Sin. Slav. 6/N, л. 15об.). В.В. Колесов обнаружил схожие примеры в Толстовской псалтыри: **приравнажѣ** (л. 3), **приравнакѣ са** (л. 153об.), **помѣшлѣаше** (л. 179) – и в Изборнике 1073 года: **до недѣла**, **землоу**, **на ноу**, **прѣмышлѣаи** [Колесов 1980:90–91]. А.А. Зализняк признал, что убедительного объяснения таким написаниям пока еще не существует и поэтому оставил отмеченные им в новгородских грамотах аналогичные примеры без толкования: **посоу** (№ 421), **соуждалоу** (№ 675), **пещалоу са** (№ 717), **прнѣстоу** (Смол. 12) [Зализняк 1995:64]. Примеры, подобные приведенным выше, известны и в южнославянской письменности: **в'са**, **в'сакъ**, **пѣнѣзоу** (Саввина книга); **вьса**, **неклоучимѣ** (Супрасльская рукопись) [Ван-Вейк 1957:130–133, 181]. Влияние безъйотовой орфографии, основанной на западных говорах южнославянского ареала, скорее всего, сказалось и на орфографии бытовой берестяной письменности. Очевидно, именно поэтому в новгородских грамотах ранних веков буквы **ѣ** нет, а вместо нее везде используется **ѣ**¹³ вплоть до конца XIII века – в буквальном смысле единичные исключения содержатся в грамотах № 400 и Пск. 6. То же относится и к употреблению буквы **к**, которая во всей новгородской берестяной письменности до середины XIII века встречается всего в восьми грамотах, в каждой по разу, причем в трех из них – наряду с **є** [Зализняк 1995:26–27].

Нормализация употребления йотированных букв после палатальных согласных связана с восточноболгарским языковым ареалом, где зародилась преславская книжная традиция. При восприятии этой традиции в древнерусских рукописях йотация получила иное фонетическое содержание, чем в восточной Болгарии. Последовательное употребление йотированных букв после **л**, **н**, **р**, **с**, **з** (**ѕ**), обозначавших праславянские палатальные ***l'**, ***ń**, ***r'**, ***ś**, ***ź**, связано с тем, что у этих звуков, как у "более мягких", глайд, в соответствии с законами общей фонетики, был выражен отчетливее, чем в сочетании других согласных с передними гласными [Зиндер 1979:132], а употребление

¹¹ Интересна также статистика, приводимая И.Х. Тотом относительно употребления йотированных букв в сохранившихся южнославянских кириллических рукописях, ни одна из которых не содержит в своей графике все четыре возможных йотированных буквы (**ѣ**, **к**, **ѣ**, **ѣ**). Надо думать, это должно объясняться прежде всего частичной сохранностью самих рукописей, чего И.Х. Тот не учел. Однако показательно, что древнерусские памятники с четырьмя йотированными буквами все же сохранились, и в относительно небольшом количестве: из наиболее ранних это Остромирово евангелие, Изборник 1073 года и Изборник 1076 года, Новгородские (или Куприяновские) листки, Евгениевская псалтырь и Туровские листки (статистика в: [Тот 1985:144]).

¹² В основном тексте (то есть не в гадательных приписках) Бычковско-Синайской псалтыри буква **ѣ** используется как сокращенный вариант диграфа **оу** в конце строки и над строкой в случаях пропуска букв или слогов.

¹³ Наблюдение О.Н. Трубачева [Трубачев 1992:500] (Там же указана литература: [Палеографический... 1955:68–69; Янин, Зализняк 1986:97]).

в древнерусских памятниках йотированных букв после любых согласных указывает, строго говоря, на неверное использование графического приема преславской школы: у восточных славян йотовая палатализация прошла иначе, чем на востоке южнославянских говоров, поэтому многие восточнославянские писцы нашли другое применение для йотации. Она стала выражать аккомодацию согласного последующему гласному переднего ряда, которая состоит в том, что между согласным и гласным возникает глайд различной степени напряженности. Возможно также, что знак **ѣ** обозначал диззвучное звучание гласного в целом, как бы он ни произносился, [ü] или ['u], [ä] или ['a] [Гольщенко 1987:31].

Такой взгляд на фонетическое значение йотированных букв позволяет объяснить известное в древнерусских рукописях одностороннюю замену **ѣ** буквой **к** и дать этому факту возможное фонологическое объяснение. Внутрискрипный элемент **ѣ**, передававший палатальный приступ в произношении гласного звука, был графическим знаком для обозначения диззвучного аллофона древнерусской гласной фонемы. Следовательно, йотированная буква **к** в таком случае обозначала гласный звук переднего ряда с более сильной палатальной артикуляцией, чем обычное [e] среднего подъема. Поэтому древнерусский звук [ě] или дифтонг [jě], обычно обозначавшиеся на письме буквой **ѣ**, после палатальных согласных и в позиции начала слога, то есть после [j], могли передаваться с помощью буквы **к**, становившейся в этой позиции равнозначной букве **ѣ**. Такая односторонняя мена **ѣ** на **к** была невозможна в древнеболгарских рукописях, где **ѣ** обозначал звук [ä], но зато в древнерусских памятниках она представлена широко, например, у первого писца Бычковско-Синайской псалтыри: **кѣтъ** (supinum, л. 38), **ѣмь** (**маса**) (л. 29 об.). В последнем случае начальное **ѣ** написано без йотации, что представляет собой отголосок "безъйотовой" орфографической традиции, как в рукописи 13-ти слов Григоря Богослова (XI век): **ѣдь** (л. 96 в) [Дурново 1926–1927 (Къ VI): 41–42]. Похожие примеры, во множестве описанные Н.Н. Дурново, встречаются в Остромировом евангелии, Туровских листках, Изборнике 1073 года, Синайском патерике, Чудовской псалтыри, Пандектах Антиоха, втором почерке Архангельского евангелия, новгородских служебных минеях 1095–1097 годов [Дурново 1926–1927: 41–42]. Графической дублетностью букв в позиции начала слога и после палатальных согласных можно объяснить одностороннюю мему **ѣ** на **к/ѣ** в неполногласных сочетаниях **прк-/дрк**, встречаемую довольно часто, например, в Минее Дубровского (если предположить, что в языке писца совпали "исконно мягкое" и "смягченное" [r] и в написаниях типа **ѣвратик** (Мстиславово евангелие), **плєнение** (Миней 1096 г), **ицєлєнии** (Миней 1096 г), **довѣлєеть** (Ефремовская кормчая XII века) и в различных надписях новгородского происхождения [Филин 1972: 166, 169–170], а также, например, в Выголексинском сборнике, где буква **к** употребляется почти исключительно на месте **ѣ** в позиции после букв, обозначавших палатальные плавные [Гальченко 1996: 289]. Даже в тех новгородских "грамотах, где в прочих позициях **ѣ** всегда пишется этимологически правильно, сочетание [jě] (то есть [e] после палатального – Р.К.) может быть передано через **к** или **ѣ**... По-видимому, в позиции после [j] противопоставление фонем /e/ и /ě/ могло нейтрализовываться в пользу /e/" [Зализняк 1995: 23].

Ф.П. Филин считал, что эти написания отражают параллельную мему, или аллофонное варьирование, различных оттенков фонемы /ě/ [Филин 1972: 166, 169–170], то есть явление строго фонетическое, не отражающее системных реалий. Однако приведенный материал показывает, что односторонняя мена буквы **ѣ** на **к** отражает перекрестную мему двух фонем, совпадение комбинаторного оттенка фонемы /e/ с основным вариантом фонемы /ě/. Иначе говоря, здесь наблюдается нейтрализация оппозиции по подъему двух гласных фонем в позиции после палатального согласного или в начале слога после палатального глайда [j]. В результате такого совпадения

буква **к**, ее вариант **є** и буква **ѣ** становились частичными дублетами графико-орфографической системы¹⁴.

Таким образом, оказывается, что особенности употребления букв **ка**, **кє**, **ѣ**, **є** в древнерусских памятниках не было связано со вторичным смягчением полумягких согласных. В то же время, по наблюдениям В.В. Колесова, варьирование комбинаторных оттенков фонемы не отражается на письме [Колесов 1982: 4], орфографическое воплощение получают только те процессы, которые отражают отношения на фонологическом, реляционном уровне. Поэтому йотированные буквы, в графической системе обозначая аллофон гласной фонемы, на уровне орфографии, которая всегда связана с различными типами фонемных отношений [Колесов 1982: 56–57], служили для выражения особых фонологических оппозиций. Чтобы установить эти отношения и объяснить принцип использования в древней славянской письменности йотированных букв, нужна особая теоретическая модель общеславянской фонологической системы, не использующая понятий полумягкости и вторичного смягчения.

Вместо терминов "мягкость" и "полумягкость" предлагалось использовать более корректные с фонетической точки зрения понятия "фонетическая" и "фонематическая мягкость" [Калнынь 1961: 18 и далее]. Действительно, типологическое поле варьирования согласных перед гласными переднего ряда велико, от невеличаризованных твердых до заднепалатальных заднеязычных типа русских и украинских диалектных [кʲ], [гʲ], русских диалектных [сʲ], [зʲ] и польских диалектных аффрикат [сʲ], [зʲ] и фрикативных [sʲ], [zʲ]¹⁵. В сравнительных исследованиях указывалось, что русские палатализованные звучат мягче, чем болгарские [Громова 1981: 39–40]. Типологической моделью праславянского консонантизма с частично палатализованными могли бы быть украинские согласные, имеющие три степени смягчения в зависимости от качества самого согласного и последующего гласного [Сучасна... мова 1969: 178–179, 182]. Г.Ф. Шило характеризовал палатализованность украинских заднеязычных перед [i] как *н а п і в п о м ' я к ш е н н і с т ь* [Шило 1948: 230] – *п о л у м я г к о с т ь*, однако все эти различия имеют чисто фонетический, позиционный характер [Сучасна... мова 1969: 224, 239]. Богатый материал представляет также литовский язык, где один и тот же согласный, в зависимости от следующего гласного, может иметь две степени палатализации: "Мягкость литовских согласных... на акустическом уровне определяется качеством следующего гласного... В случае ассимилятивного смягчения согласного степень его палатализации возрастает от позиции перед более задним гласным к позиции перед более передним... В тех же случаях, когда мягкость согласного является его собственным качеством, признаки палатализации ярче выражаются в слогах с более задними гласными, восприятие мягкости определяется выраженностью слоговых контрастов" [Балшайтите 1987: 16; ср.: Грамматика... 1985: 34–35; Otrębski 1958: 120, 309]. Подобно украинскому языку, в литовском языке различие в реализации признака палатализованности не является фонематически релевантным, а определяется полем расценивания, вариативностью одного и того же дифференциального признака – палатализованности, или мягкости, которая противопоставляется твердости, имеющей в литовском языке, как и в русском, артикуляционную базу – величаризацию [Гирденис 1983: 2–3, 26, 42; Грамматика... 1985: 30, 39; Otrębski 1958: 119]. Таким образом, степень выраженности признака не может служить основой для

¹⁴ Ср. аналогичные выводы о дублетности букв **к** (**є**) и **ѣ**: [Гальченко 1996: 297]. Основанием для такой дублетности стали не только процессы, связанные с падением редуцированных и развитием нового **ѣ**, но и графическое неразличение букв **к** и **ѣ** после букв палатальных сонантов **л**, **н**. По словам А.А. Зализняка, для новгородской бытовой письменности "...следует предполагать... что уже с XI века для фонемы /ѣ/ существовало два способа письменной передачи – **ѣ** (основной способ) и **є** (допустимый дополнительный способ)" [Зализняк 1995: 24].

¹⁵ Подробный обзор и литература в: [Чекман 1979: 47–49]. См. также: [Кузнецова 1977: 68–69; Пауфшима 1961: 74–77; Czекman, Smułkowa 1988: 261–263].

ого фонематизации¹⁶, а именно это неоднократно предлагалось для праславянской фонетики в виде теории полумягкости и мягкости, или фонетической и фонематической мягкости. Фонемное различие между так называемыми полумягкими и исконно мягкими не было обусловлено степенью выраженности признака мягкости.

Дело в том, что в результате праславянских переходных смягчений заднеязычных и после йотовой палатализации во всех славянских диалектах возник палатальный ряд: *č', *dž', *š', *ś', *ž', *č', *dž', *t' (*t^h или *t^h в разных диалектах), *d' (*d'ž' или *d'ž'), *rj, *l', *ń, *pl', *bl', *ml', *vl' (или *l', *n', *p', b', *m', *v' в Восточной Болгарии, где йотовая палатализация прошла иначе, чем у других славян) [Калнынь 1961: 7; Чекман 1973: 35–39]. У палатальных согласных их йотовая артикуляция является основной, а не дополнительной, как у палатализованных, поэтому палатальные согласные являются нейтральными по признаку тональности [Журавлев 1961: 40–42; 1963: 18] и образуют особый локальный ряд, находясь со своими непалатальными оппонентами в одномерных эквиополентных оппозициях [Трубецкой 1960: 144–146] и не составляя тембровую корреляцию [Horálek 1959: 57]¹⁷. М. Комарек считал, что палатальные потому сохранились в чешском языке, утратившем после XIII века корреляцию согласных по твердости – мягкости, что они находились вне этой корреляции [Komarek 1954: 98]. Неразличение структурных особенностей палатальных и непалатальных согласных, о недопустимости которого писал еще Н. Ван-Вейк [Ван-Вейк 1950: 304–305], стало основой представления о полумягкости, отличающейся от эталонной, "полной", мягкости палатальных.

Палатальный ряд составили согласные, с которыми должны были бы совпасть праславянские полумягкие, однако, например, в большинстве диалектов русского языка произошло как раз обратное, то есть палатальные утратили свою основную артикуляцию и совпали с палатализованными, вступив в итоге в корреляцию по твердости – мягкости. Вместе с тем частичное сохранение архаического палатального ряда в белорусском и польском языках и даже в некоторых украинских и русских говорах [Чекман 1973: 8; Чекман 1970: 14–15] не противоречит корреляции по твердости – мягкости, хотя и сокращает естественным образом количество входящих в нее оппозиций. Если праславянские согласные перед гласными переднего ряда были на самом деле палатализованными, то остается неясным, почему только после совпадения с ними палатальных возникли силлабемы, то есть произошла фонологизация признака мягкости внутри слога. Тогда начало периода силлабем – сочетаний согласного с гласным, нечленимых по признаку мягкость – твердость, – следует относить к более раннему, чем считал Р.И. Аванесов, периоду, как это делал Р.О. Якобсон [Jakobson 1929: 31–32]. Правда, недостаток теории Р.О. Якобсона заключается в том, что действие закона с л о г о в о г о сингармонизма, на котором была построена предложенная им модель, не объясняет механизм йотовых палатализаций. Именно это слабое место теории Р.О. Якобсона вызвало справедливую критику Н. Ван-Вейка [Wijk van 1941: 41–48]: развившиеся в результате ассимиляции с йотом согласные были нейтральными по признаку тональности, поэтому оказывалось, что праславянский сингармонизм, строго говоря, не был слоговым.

Непротиворечивая модель праславянской фонологической системы и взаимодействия палатальных и так называемых "полумягких" фонем была построена В.К. Жу-

¹⁶ Обратная связь возможна. По данным общей фонетики, ярче выражен тот признак звука, который имеет фонематический статус: [Зиндер 1979: 132].

¹⁷ Мысль о трех тембровых типах согласных – диезных, недиезных и палатальные – принадлежит Е. Петровичу, которого поддержал Р.О. Якобсон [Якобсон 1962]. Ср. иной взгляд на проблему: [Калнынь 1961: 9–11 и далее; Толстая 1977]. Как показал В.В. Иванов, мнение, что палатальные и непалатальные согласные могут образовывать тембровую корреляцию, основано на широком и неопределенном толковании понятия корреляции А.А. Реформатским: «"Коррелятивные оппозиции основаны на совпадении... признаков, кроме одного, который и служит дифференциальной диакритикой"... Однако такое расширенное понимание корреляции логически требует отрицания нейтрализации» [Иванов 1968: 150–151], важнейшего интегрирующего фактора фонологической системы (см. [Журавлев 1987: 19, 124–125]).

главным в его теории о трех типах праславянских группофонема [Журавлев 1961; 1963; 1967]. Суперсегментное решение задачи о различительной роли тембра в праславянском языке неизбежно, так как для фонологической системы того периода, по образному выражению литовского фонолога А.-С.А. Гирдениса, "нельзя обнаружить фокус излучения" [Гирденис 1983: 43] исследуемого дифференциального признака в сочетании согласного с гласным, которое было нечленимым по признаку тембра. Хотя этот признак и был смыслозначительным, однако он не мог быть отнесен отдельно ни к гласному, ни к согласному. Для праславянской фонологической системы невозможно также принять третий вариант описания, а именно выделение в качестве самостоятельной фонетической или даже фонематической единицы палатального глайда, \dot{J} , при котором сегментация сочетания согласного с гласным будет следующей: $C + \dot{J} + V$ [Дукельский 1962: 29; Вийтсо 1963: 405–409; Гирденис 1983: 42]. В принципе допустимый в качестве объяснительной модели, этот вариант неприменим для праславянского языка, где палатальный глайд \dot{J} всегда был позиционно обусловлен.

В праславянском языке после йотовой палатализации возникло три типа группофонема, в зависимости от качества согласного.

1. Первый тип образовывали группофонемы с твердым, или лабиовеляризованным, согласным перед непередним гласным [Журавлев 1963: 18–20 и далее], который можно назвать б е м о л ь н ы м типом.

2. Второй тип образовывали группофонемы с палатальным согласным, возникшим в результате праславянских палатализаций, этот тип В.К. Журавлев назвал н е й - т р а л ь н ы м, в соответствии со структурой дифференциальных признаков согласного.

3. Третий тип составляли группофонемы, в которые входили согласные, пережившие в более раннюю праславянскую эпоху позиционное изменение перед гласными переднего ряда¹⁸, хотя качество этого изменения до сих пор остается неопределенным.

Ссылаясь на результаты праславянских палатализаций заднеязычных, непосредственной причиной которых была аккомодация согласных гласным переднего ряда, многие исследователи полагают, что остальные согласные при этом стали палатализованными¹⁹, однако недоказанность этой палатализации стала объектом критики в адрес теории В.К. Журавлева, основывающегося на том, что согласный перед передним гласным в праславянском языке был палатализованным²⁰.

Наиболее обширный материал в доказательство существования праславянских палатализованных собрала Л.Э. Калнынь, ссылаясь на те процессы в области вокализма, которые прошли в разных славянских языках под влиянием мягких согласных, как, например, в полабском языке перед согласными, за которыми в прошлом следовал

¹⁸ В.К. Журавлев считает, что в результате такого взаимодействия в праславянском языке возникли палатализованные согласные: [Журавлев 1961; 1963; 1967].

¹⁹ См., например: [Мейе 1951: 71–83; Ван-Вейк 1950: 304–305; Граматика 1991: 77–78; Vaillant 1950: 45–61]. Н. Ван-Вейк и вслед за ним К. Горалек считали, что после изменения * \dot{z} в * a в результате первой палатализации, а также после перехода [\dot{z}] в [а] в суффиксе восточнославянского имперфекта в праславянском языке сложилась корреляция по твердости – мягкости: [Wijk van 1937: 26; Wijk van 1934: 32–64; Horálek 1959: 53–57].

²⁰ Ф. Мареш отрицал наличие праславянских палатализованных, считая, что тембровые оппозиции фонологической системы общеславянского языка образовывались за счет гласных, и поэтому не мог согласиться с теорией В.К. Журавлева. См. особо выступление Ф. Мареша по поводу теории группофонема: [Phonologie 1967: 154]. Ср. схожие точки зрения, основанные на том, что действию определенной закономерности могут подвергаться в языке не все согласные, а только часть из них: [Koschmider 1958: 6–7; Lunt 1956: 310–311]. Х. Бирнбаум считает, что палатализованность праславянских согласных перед передними гласными не может быть доказана, равно как и опровергнута: ([Бирнбаум 1986: 104], см. там же литературу). Р.А. Крайнович обходит вопрос о качестве праславянских согласных перед гласными переднего ряда, но априорно утверждает, что смыслозначительную роль по признаку тембра выполняли гласные [Krajičovič 1975: 55–58]. Г. Шевелов предполагал, что на юге восточнославянского ареала палатализованные были только перед [а] из [е] и перед [ѣ] [Shevelov 1979: 72–76].

слабый [ь], [ъ] переходил в [ä], а [e] в [i] перед мягким согласным: *vās* ← **vьsbь, gribinь* ← **grebenь*. Аналогичные явления исследователь показывает на примере кашубского, польского, чешского, лужицких языков [Калнынь 1961: 23–24]²¹. Однако невозможно опровергнуть мнение, что эти процессы представляют из себя нейтрализацию двух групп фонем, связанную с межслоговым тембровым взаимодействием: так, старочешское изменение [ä] в [a] и полабские переходы [e] в [a], [ě] через [a] в [o] могут быть объяснены как ассимиляции бемольному слогу, где качество согласного на самом деле не имело значения, а главную роль играла тембровая характеристика целого сочетания. Подобное ассимилятивное объяснение перехода *e* в *o*, типологически однородного упомянутым западнославянским изменениям, было впервые предложено Е.Д. Поливановым [Поливанов 1923], развито впоследствии И.Г. Добродомовым [Добродомов 1968; 1972], а относительно недавно многочисленные явления восточнославянского вокализма, связанные с действием межслогового сингармонизма, были специально рассмотрены в подготовленной под руководством И.Г. Добродомова диссертации И.А. Измьстевой [Измьстева 1995: 6 и далее]. В.К. Журавлев показал, рассматривая различные типы восточнославянского яканья, что они, хотя и развились гораздо позднее, обладают тем же типологическим сходством с описанными явлениями межслогового взаимодействия. Само яканье обусловлено наличием в языке фонетически неделимых сочетаний согласного с гласным, что на фонологическом уровне может привести к взаимодействию между вокалическими и консонантными нейтрализациями [Журавлев 1987: 117].

Сравнительно-исторический метод представляет одну, пока не использованную, возможность в решении проблемы о качестве праславянских согласных перед гласными переднего ряда. Сторонники теории праславянского смягчения всех согласных недостаточно учитывают такую важную консонантную характеристику, как веляризованность, один из главных факторов бемольной тональности звука. Если существование праславянских палатализованных до сих пор не нашло убедительного подтверждения, то исконная веляризованность праславянских согласных пока никем не оспаривалась, ее следы обнаруживаются в современных славянских диалектах [Калнынь 1994: 75–76]. Коррелятом веляризованности в области вокализма является так называемая *ы*-образная артикуляция (по аналогии с *й о т о в о й* артикуляцией) передних гласных. Бемольный сингармонизм в истории праславянского языка предшествовал дизонному [Журавлев 1961: 33–40], что может быть показано на примере закона Педерсена, когда **s* переходило в **χ* только перед бемольными гласными, а перед дизонными оставалось на стадии палатального **š'* [Collinge 1985: 144; Мейе 1951: 29–30, 80]. Наряду с лабиальной протезой перед бемольными гласными, которая развивалась в эпоху генерализации группофоном и развития бемольности как суперсегментного признака [Журавлев 1965], в восточнославянских языках и диалектах перед гласными заднего ряда – коррелятами веляризованных согласных – возникла фарингальная протеза *h* [Филин 1972: 296–299 (см. там же литературу); Shevelov 1979: 450–456].

Внимательное отношение к веляризованности согласных, а значит, к функциональной значимости бемольной тональности заставляет считать, что в основе праславянского изменения **k*, **g*, **χ* в свистящие и аффрикаты лежала скорее не п а л а т а л и з а ц и я, которая типологически вполне совместима с заднеязычной, или велярной, артикуляцией, а д е в е л я р и з а ц и я всех праславянских согласных перед гласными переднего ряда, которая и вызвала переход **k*, **g*, **χ* из велярного в палатальный локальный ряд. В таком случае верно мнение В.Н. Чекмана, что праславянская "полумягкость", а равно и неполное смягчение согласных, отмечаемое диалектологами в современных славянских диалектах, есть не что иное, как невеляри-

²¹ После выхода работы Л.Э. Калнынь Э. Кошмидер, противник теории праславянских палатализованных, готов был согласиться с тем, что палатализованные были в праславянском языке позднего периода, или в "прамакедоноболгарском" [Koschmider 1966: 433–438].

зованность. Этот вывод подтвердился непосредственными наблюдениями над белорусскими, великорусскими и болгарскими говорами [Чекман 1979: 45–46].

Невеляризованность праславянских согласных и передний ряд гласных оказались взаимообусловленными признаками, и поэтому всякий невеляризованный согласный, возможный только перед диззным гласным, вошел в состав неразложимого по признаку тембра сочетания, то есть образовал с последующим гласным группофонему, которую можно назвать *не б е м о л ь н о й*, поскольку она являлась оппонентом *б е м о л ь н о й* группофонеме с веляризованным согласным и гласным непереднего ряда. На фонетическом уровне признак небемольности имел широкое поле вариативности у согласных, от твердого невеляризованного до палатализованного, причем возможно, что позиционная палатализованность развивалась в тех диалектах, которые развили впоследствии корреляцию по твердости – мягкости, создавая на физическом уровне почву для последующих реляционных изменений. Следовательно, палатализация, как результат слогового сингармонизма, развивалась в славянских языках через ступень невеляризованности. В таком случае необходимо уточнить устоявшееся мнение относительно возникновения палатализованных согласных в румынском языке, которое считается результатом славянороманского языкового взаимодействия, начавшегося приблизительно с VI века, и даже иногда приводится в качестве типологической параллели для доказательства праславянской палатализации [Чекман 1979: 111–112; Патруць 1968: 23–29; Петрович 1958: 5–38; 1959: 12–19; Rosetti 1973: 9, 65, 85–86; Shevelov 1965: 159–161]. Поскольку палатализованность славянских согласных того периода не может быть доказана, а веляризованность как интегральный признак румынских согласных в выше перечисленных исследованиях не учитывается, то необходимо признать, что реальным результатом славяно-румынской интерференции стал слоговой сингармонизм по признаку тембра, а появление палатализованных в румынском языке было обусловлено отсутствием веляризации, что значительно ограничивало поле рассеивания тембрового признака диззности: она могла реализовываться только за счет палатализации. Такая ситуация не может считаться надежной типологической параллелью для праславянского языка, в диалектах которого предполагается возможное сосуществование фонематически равнозначных – диззных – палатализованных и невеляризованных согласных. Следовательно, румынскую палатализацию нельзя считать убедительным доказательством того, что к концу второй половины первого тысячелетия "позиционное смягчение согласных в славянских говорах Дакии было уже совершившимся фактом", как писал В.Н. Чекман [Чекман 1979: 112].

Признак тональности не был смыслоразличительным на фонемном уровне, поэтому в системе восточнославянского вокализма после утраты носовых не был дифференциальным признаком ряда. Следовательно, праславянская оппозиция /e/–/a/ не сохранилась в древнерусском языке после утраты ринезма даже в виде /ä/–/a/, то есть произошла конвергенция двух фонем /e/ и /a/. Этот факт имеет решающее значение для фонологической интерпретации букв ѡ, ѧ в древнерусской орфографии.

В восточнославянских памятниках эти буквы никогда не обозначали самостоятельных фонем. В то же время средствами письма, построенного на фонемном принципе [Дурново 1933: 56]²², было невозможно передать суперсегментные характеристики слова, поэтому для таких целей стали использовать дублетные буквы и диакритические знаки, к которым относится и знак ѧ²³. Показательно, что над переключением знака ѧ могла ставиться также точка, обозначающая диззность сочетания

²² Хотя ни один алфавит, как тип буквенного письма, не может быть построен строго в соответствии с фонемным составом системы [Миклас 1993: 4, 7; Гельб 1982: 185, 191, 193; Miklas 1988: 52–65]. Этим и объясняется возможное изначальное наличие в кириллице буквы ю и специальных знаков в глаголице, соответствующим кириллическим ѡ, ѧ, которые не обозначали самостоятельные фонемы.

²³ Как известно, диакритические знаки могут писаться над строкой, под строкой и, реже всего, внутри строки, как, например, в буквах ĩ (Ł), Ø, Đ [Лингвистический... 1990: 132].

[Карский 1979: 168]. Параллелизм в использовании йотации и диакритических знаков точки и запятой, которая могла ставиться и над согласной, и над гласной буквами, а также использоваться одновременно с йотацией, показан в исследовании И.Х. Тота [Тот 1985: 177–206], его наблюдения подтверждаются примерами многих рукописей, в частности, той же Бычковско-Синайской псалтыри в почерке первого писца: **своѣго** (Л., л. 3 об.), **възвѣщайѣтъ** (Л., л. 2); в почерке второго писца: **твою** (л. 56 об.), **земліа** (л. 58 об.), **моіа** (л. 61), **силою** (л. 56 об.), **іѣго** (л. 124 об.); в почерке третьего писца: **твою** (л. 13 об.), **іа** (лл. 15 об., 16), **ливаньскыіа** (л. 15 об.), **іако** (л. 15 об.), **моіа** (л. 16 об.), **въздыханіа** (16 об.).

В древнерусских памятниках буквы **ѡ**, **ѧ** обозначали диззный аллофон фонемы /а/, чем и объясняются их вариативность и правила распределения: в большинстве древнейших памятников буква **ѧ** употребляется в начале слога и после **л**, **н**, обозначающих рефлексы *lj, *nj, то есть в тех случаях, где элемент **ѧ** буквы **ѧ** наиболее удачно передавал глайдовый участок слога. Схожая ситуация сложилась в древнеболгарских памятниках, где вместо **ѧ** часто писали **Ѣ**. Причиной этого было не только графическое влияние глаголических протографов, где для этих двух букв было одно соответствие, **Ѧ**, но еще и то, что были близки звук, обозначающийся буквой **Ѣ**, и диззный аллофон фонемы /а/: "подобный гласный... представляют современные говоры к востоку от Солунского края" [Селищев 1951: 21].

Употребление кириллических **ѡ** (или **Ѣ** у южных славян), **ѧ**, **Ѧ** было основано не на фонетическом принципе, при котором графическое обозначение аллофона какой-либо фонемы не служит вместе с тем для выражения смыслового различия [Зиндер 1987: 91; Щерба 1983: 87]. Для передачи смыслового противопоставления на суперсегментном уровне в древней славянской орфографии, помимо диакритики, использовались особые буквенные знаки, выражавшие сами по себе диззные или бемольные аллофоны нейтральных по признаку тональности гласных фонем. Подобно этому в современной русской орфографии буквы **я**, **е** (ѐ), **ю** обозначают диззные аллофоны гласных фонем, однако их написание регулируется фонемным принципом, так как на письме они обозначают дифференциальный признак мягкости согласного, то есть служат для различения оппозиций согласных фонем по признаку твердости – мягкости.

В славянских диалектах до падения редуцированных признаков тембра был суперсегментной характеристикой, так как различал единицы, по протяженности превышающие фонему. Фонетически диззное или бемольное звучание было близко к просодической характеристике восходящей или нисходящей тональности, но все же принципиально отличалось от нее функционально. Поэтому праславянские группофонемы должны считаться непросодическими суперсегментными единицами, объединенными ингерентным признаком тембра²⁴. Исходя из этого необходимо определять один из принципов древней славянской орфографии, касающийся употребления парных, йотированных и нейотированных, букв. А.Н. Гвоздев писал, что в основе русской графики лежит слоговой, или силлабический, принцип, определяющий написание букв **е**, **э**, **я**, **ю**, **и**, **ы** после согласных, так как "в качестве единицы письма и чтения в таких случаях выступает слог" [Гвоздев 1953: 42, 43–49]. До падения редуцированных в славянских диалектах смыслоразличительной единицей по тембру была группофонема. Автор термина, В.К. Журавлев, хотел в нем показать, что общеславянский сингармонизм не был слоговым изначально, что, казалось бы, подразумевает термин с и л -

²⁴ См. обоснование терминологии: [Гирденис 1983: 42].

лабема, до В.К. Журавлева уже дважды использованный в разных значениях Р.О. Якобсоном и Р.И. Аванесовым. Однако лингвистические термины, производные с аффиксом *-ем*, помимо указания на смысловое наполнение означаемого, имеют важный, легко уловимый семантический оттенок, а именно нечто существенное, не равное смысловому содержанию всего предмета, на который указывает производящее слово: так, фонема есть не просто звук, но самое существенное в этом звуке, а силлабема не равна слогу и не есть весь слог, но является его смыслоразличительной частью. Следовательно, в согласии с установившейся традицией употребления термина *силлабема*, с учетом смысла, придаваемого В.К. Журавлевым понятию *группофонема*, принцип употребления в древней славянской орфографии йотированных букв, равно как и диакритических знаков, передающих смыслоразличительные тембровые характеристики, может быть определен как *силлабемный*.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Теория праславянской полумякости согласных и их последующего вторичного смягчения не подтверждается данными письменных памятников. Возникновение и функционирование в кириллице йотированных букв связано с различными результатами йотовой палатализации в языковых ареалах древней Болгарии и Македонии: изначально йотация обозначала палатальный глайд после сонорного плавного, возникшего из сочетания с йотом, а впоследствии она стала выражать переходный глайдовый участок между согласным и гласным переднего ряда, так, как обозначается дизность слога в алфавитах, основанных на латинице – в польском, румынском, литовском языках. Введение внутрисклонового элемента **ѣ** в кириллическое письмо свидетельствует не о стремлении приблизить письменную речь к звучащей, как иногда считалось, а о развитии буквенных средств славянского письма в сторону расширения их фонологических функций на суперсегментном, силлабемном, уровне.

На уровне графики, устанавливающим соответствие между звуком, безотносительно к его смыслоразличительной роли, и буквой, йотированные буквы и буква **ѣ** в восточнославянских памятниках обозначали дизные аллофоны гласных фонем. Однако орфография как нормализованное письмо обусловлена языковой системой²⁵, и поэтому всякое явление, получающее выражение на письме, есть результат определенных системных отношений. Следовательно, функция йотированных букв и буквы **ѣ** не могла состоять лишь в том, чтобы обозначать только комбинаторные оттенки фонем и полнее передавать на письме звучащую речь. Дело здесь не в том, имели ли древние книжники представление о существовании фонологической системы: для уяснения уровня представлений ученых писцов о смыслоразличительной роли звуков историю письма понадобилось монографическое исследование [Miller 1994]. Бесспорно одно: если фонологические отношения и сама фонема – не отвлеченный научный вымысел, *abstractioal fictitious unit* в терминах Б. Тводдела [Реформатский 1970: 227–228], а "положительная и вполне специфическая реальность" [Лосев 1989: 88], то лингвистическое описание орфографического явления не только может, но должно состоять в том, чтобы выявить принцип отношения между буквенным знаком и фонологическими отношениями, дающими о себе знать независимо от воли писца.

²⁵ Р.А. Будагов, опираясь на мысль Б. Гавранека, писал, что понятие нормы шире понятия кодификации, «которая может осуществляться средствами школьной грамматики, предписывая "дозволенное и недозволенное". С нормой оказывается иначе. Она должна опираться на живое тело языка... Ее несистемность (если бы она наблюдалась) обусловила бы соответствующую несистемность литературного языка» [Будагов 1967: 28, 30]. Древняя славянская орфография как нормализованное письмо не было кодифицированным в силу отсутствия устанавливающих правила письма грамматик. Представление об орфографической норме – правильном письме – формировалось под воздействием книжного узуса, который был довольно гибким и допускал значительную вариативность под воздействием "живого тела языка".

Теория полумякости и вторичного смягчения полумякости не в состоянии объяснить принцип упрощения йотированных букв и буквы **ѡ** в восточнославянских рукописях. Типологические параллели из славянских и неславянских языков свидетельствуют, что степень выраженности признака не может быть основой для его фонематизации. Сравнительно-исторические исследования показывают, что так называемыми "исконно мягкими согласными" в праславянском языке были палатальные звуки, часть из которых до сих пор сохраняется в литературных языках и диалектах на протяжении всего славянского языкового ареала. Праславянские палатальные противопоставлялись твердым велляризованным, бемольным, и небемольным звукам, причем последние могли быть или палатализованными, или невелляризованными непалатализованными. Три типа согласных звуков, – бемольные, небемольные, или диззные, и нейтральные, – были взаимообусловлены тембром последующего гласного, следовательно, тембр не был смыслоразличительным признаком на уровне фонем.

Три типа согласных звуков праславянского языка являются основой для выделения трех типов групп фонем, или силлабем, – суперсегментных непросодических смыслоразличительных единиц, представляющих из себя неделимое по признаку тембра сочетание согласного с последующим гласным. Следовательно, написание букв, обозначавших диззные аллофоны гласных фонем, а также употребление диакритики, служившей для передачи на письме тембра в силлабеме, было основано не на фонетическом и не на фонемном принципах: для передачи смыслоразличительных суперсегментных тембровых различий славянские книжники руководствовались силлабемным принципом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р.И. 1970 – Звуки *i* и *у* в истории русского языка // Реформатский А.И. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Амфилохий (архимандрит) 1895 – Исследование о Пандектах Антиоха Черноризца. М., 1895.
- Балишайтите Д.А. 1987 – Дифференциальный признак твердости – мягкости согласных в родственных языках. (Акустические характеристики и восприятие): Экспериментально-фонетическое исследование на материале литовского и русского языков: Автореф. ... канд. филологич. наук. Л., 1987.
- Бернштейн С.Б. 1961 – Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бирнбаум Х. 1986 – Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1986.
- Блохина Э.Д. 1976 – Отражение мягкости согласных в Галицком евангелии 1144 г. // История русского языка. Древнерусский период. Вып. 1. Л., 1976.
- Будагов Р.А. 1967 – Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
- Булаховский Л.А. 1965 – Питання походження української мови. Київ, 1965.
- Бурмистрович Ю.Я. 1995 – Домашние задания по практическим занятиям по курсу "Историческая фонология цепочки славянских языков от протославянского до русского". Абакан, 1995.
- Ван-Вейк Н. 1950 – К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода // *Slavia*. 1950. Roč. XIX. Seš. 3–4.
- Ван-Вейк Н. 1957 – История старославянского языка. М., 1957.
- Васильев Л.Л. 1913 – С каким звуком могла ассоциироваться буква "нейотированный юс малый" **ѡ** в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников? // Русский филологический вестник. Варшава, 1913. Т. 69. № 1–2.
- Вийтто Т.-Р. 1963 – Об одной возможности описания фонологии русского языка // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 139. Труды по русской и славянской филологии. 1963. № 6.
- Гальченко М.Г. 1996 – О написаниях с *є* вместо **ѣ** в югозападных рукописях XII–XIV вв. // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996.
- Гвоздев А.Н. 1953 – Основы русской орфографии. Минск, 1953.
- Гельб И.Е. 1982 – Опыт изучения письма: Основы грамматиологии. М., 1982.
- Гирденис А.-С.А. 1983 – Теоретические основы литовской фонологии: Автореф. ... докт. филологич. наук. Вильнюс, 1983.
- Гольщенко В.С. 1987 – Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв. М., 1987.
- Грамматика 1991 – Грамматика на старобългарския език. София, 1991.
- Грамматика 1985 – Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Громова А.П. 1981 – Сравнительная фонетика славянских языков. Часть IV. Консонантизм. Свердловск, 1981.

- Гъльбов И. 1968 – Ранни школи на старобългарски книжовен език // БЕ. 1968. № 2–3.
- Гъльбов И. 1980 – Старобългарски език с увод в славянското езикознание. Ч. 1. София, 1980.
- Гъльбов И. 1986 – Писмени и звукови системи в старобългарски // Избрани трудове по езикознание. София, 1986.
- Добродомов И.Г. 1968 – К вопросу об условиях перехода *e* в *o* в древнерусском языке // Фонологический сборник. Материалы межвузовской конференции. Вып. II. Донецк, 1968.
- Добродомов И.Г. 1972 – О переходах *e* в *o* в русском языке // Проблемы общего и русского языкознания. М., 1972.
- Древнерусская грамматика 1995 – Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.
- Дукельский Н.И. 1962 – Принципы сегментации речевого потока. М.; Л., 1962.
- Дурново Н.Н. 1923–1924 – К истории звуков русского языка. II. Старославянские смягченные согласные в Архангельском евангелии // Slavia. 1923–1924. Roč. 3. Seš. 4.
- Дурново Н.Н. 1924а – Русские рукописи XI–XII вв. как памятники старославянского языка // JФ. 1924. Кн. II.
- Дурново Н.Н. 1924б – Русские рукописи XI–XII вв. как памятники старославянского языка // JФ. 1924. Кн. IV.
- Дурново Н.Н. 1926–1927 – Русские рукописи XI–XII вв. как памятники старославянского языка // JФ. 1926–1927. Кн. VI.
- Дурново Н.Н. 1933 – Славянское правописание XI–XII вв. // Slavia. 1933. Roč. 12. Seš. 1–2.
- Дюрен Ж. 1977 – Мягкость, твердость, йотированность // ВЯ. 1977. № 2.
- Живов В.М. 1996 – Палатальные сонорные у восточных славян: данные рукописей и историческая фонетика // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996.
- Журавлев В.К. 1961 – Формирование группового сингармонизма в праславянском языке // ВЯ. 1961. № 4.
- Журавлев В.К. 1965 – Генезис протезов в славянских языках // ВЯ. 1965. № 4.
- Журавлев В.К. 1967 – Опыт фонологической интерпретации праславянских группофонема: К проблеме языков силлабемного типа // Phonologie der Gegenwart. Vorträge und Discussionen anlässlich der Internationalen Phonologie-Tagung in Wien. Graz; Wien; Köln, 1967.
- Журавлев В.К. 1969 – Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1969.
- Журавлев В.К. 1987 – Диахроническая фонология. М., 1987.
- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зиндер Л.Р. 1979 – Общая фонетика. М., 1979.
- Зиндер Л.Р. 1987 – Очерк общей теории письма. М., 1987.
- Зубова Л.В. 1975 – Орфографический сдвиг как результат фонемного изменения // Исследования и материалы по русской и древнеславянской языковой истории. Межвузовский сборник. Вып. 1. Горький, 1975.
- Зубова Л.В. 1976 – К вопросу о времени отвердения шипящих в русском языке // История русского языка. Древнерусский период. Вып. 1. Л., 1976.
- Иванов В.В. 1968 – Историческая фонология русского языка: Развитие фонологической системы древнерусского языка в X–XII вв. М., 1968.
- Иванов В.В. 1983 – Историческая грамматика русского языка. М., 1983.
- Изместьева И.А. 1996 – Межслоговой сингармонизм в истории русского языка: Автореф. ... канд. филологич. наук. М., 1996.
- Кальный Л.Э. 1956 – Развитие категории твердости – мягкости согласных в русском языке // Уч. зап. ин-та славяноведения. М., 1956. Т. 13.
- Кальный Л.Э. 1961 – Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.
- Кальный Л.Э. 1994 – Отражение праславянской лабиовеляризации согласных в нижнелужицком диалекте // Славяноведение. 1994. № 5.
- Каринский Н.М. 1925 – Образцы письма древнейшего периода русской книги. Л., 1925.
- Карский Е.Ф. 1979 – Славянская кирилловская палеография. Л., 1979.
- Колесов В.В. 1973 – Праславянская фонема /Q/ в ранних преобразованиях славянских вокалических систем // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973.
- Колесов В.В. 1980 – Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Колесов В.В. 1982 – Введение в историческую фонологию. Л., 1982.
- Кривко Р.Н. 1996 – Бычковско-Синайская псалтырь как источник по истории славянской Псалтыри // Религия и церковь в культурно-историческом развитии русского Севера. (К 450-летию преподобного Трифона, Вятского Чудотворца): Материалы Международной конференции. Киров, 1996.

- Лавров П.А. 1914 – Палеографическое обозрение кирилловского письма // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4/1. Пг., 1914.
- Лингвистический... 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Лосев А.Ф. 1989 – В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989.
- Малкова О.В. 1980 – Имело ли место вторичное смягчение согласных перед [e], [и] в диалектах южной зоны древнерусского языка? // ВЯ. 1980. № 6.
- Мейе А. 1951 – Общеславянский язык. М., 1951.
- Миклас Х. 1993 – От Преславския събор до Преславската школа. Въпроси на графематиката // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 1993. № 3.
- Миронова Т.Л. 1996 – Графика и орфография рукописных книг киевского скриптория Ярослава Мудрого. М., 1996.
- Николаев С.Л. 1988 – Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования, 1986. М., 1988.
- Палеографический... 1955 – Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955.
- Патруць И. 1968 – Относительно древности славянского влияния на румынский язык // Romanoslavica. 1968. № XVI.
- Пауфохшма Р.Ф. 1961 – Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 2. М., 1961.
- Пенкова П. 1969 – Диакритичният "знак за мекост" в Зографското евангелие // Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишната от смъртта на му. София, 1969.
- Петрович Е. 1958 – Явление сингармонизма в исторической фонетике румынского языка – следствие славяно-румынской языковой интерференции // Romanoslavica. 1958. № II.
- Петрович Е. 1959 – О некоторых сходствах между румынской и славянской фонематическими системами // Slavia. 1959. Roč. XXVIII. Seš. 1.
- Подскальски Г. 1996 – Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
- Поливанов Е.Д. 1923 – Причины появления umlauta // Сборник Туркестанского Восточного института в честь профессора А.Э. Шмидта. Ташкент, 1923.
- Пуцко В.Г. 1987 – Пандекты Антиоха Чернорица. Художественное оформление кириллической рукописи XI в. // Cyrillometodiana. 1987. № XI.
- Реформатский А.А. 1970 – Проблемы фонемы в американской лингвистике // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Селищев А.И. 1951 – Старославянский язык. Т. I. М., 1951.
- Сучасна... мова 1969 – Сучасна українська літературна мова. [Т. 1]. Вступ. Фонетика. Київ, 1969.
- Толстая С.М. 1977 – К типологической характеристике категории палатальности в славянских языках // СС. 1977. № 1.
- Тот И.Х. 1985 – Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв. София, 1985.
- Тотоманова А.-М. 1992 – Из българската историческа фонетика: Явления, свързани с изграждането на категорията мякост – твърдост на съгласните в българския език. София, 1992.
- Трубачев О.Н. 1992 – Из смоленских мотивов: "Гнёздово", "горуня" // Slavia. 1992. Roč. 61. Seš. 4.
- Трубецкой Н.С. 1960 – Основы фонологии. М., 1960.
- Филин Ф.П. 1972 – Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
- Фортулатов Ф.Ф. 1919 – Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. Пг., 1919.
- Хабургаев Г.А. 1994 – Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М., 1994.
- Чекман В.Н. 1973 – Генезис и эволюция палатального ряда в праславянском языке. Минск, 1973.
- Чекман В.Н. 1979 – Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.
- Чэкаман В.М. 1970 – Гісторыя проціпастаўлення па цвёрдасці – мяккасці ў беларускай мове. Минск, 1970.
- Шахматов А.А. 1915 – Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11/1. Пг., 1915.
- Шило Г.Ф. 1948 – Палатограми українських звуків і система фонем української мови // Вопросы славянского языкознания. Кн. I. Львов, 1948.
- Щепкин В.Н. 1967 – Русская палеография. М., 1967.
- Щерба Л.В. 1983 – Теория русского письма. Л., 1983.
- Якобсон Р.О. 1962 – [Выступление] // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2: Проблемы славянского языкознания. М., 1962.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. 1986 – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

- Altbauer M., Lunt H.G. (ed.)* 1978 – An early Slavonic psalter from Rus'. Harvard, 1978.
- Collinge N.E.* 1985 – The laws of Indo-European. Amsterdam (Philadelphia), 1985.
- Czekman W., Smułkowa E.* 1988 – Fonetyka i fonologia języka białoruskiego z elementami fonetyki i fonologii ogólnej. Warszawa, 1988.
- Horálek K.* 1950 – Ke otazce palatálních souhlásek v bulgarštině // *Slavia*. 1950. Roč. XX. Seš. I.
- Horálek K.* 1959 – K vývoji měkkostní korelace souhlaskové v praslovanštině a v češtině // *Slavica Pragensia. Acta Universitatis Pragensia, Philologica Supplementum*. 1959. № I.
- Jakobson R.* 1929 – Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929.
- Komarek M.* 1954 – Ke fonetické povaze staročeského ě // *Studie a práce lingvistické*. 1954. № I.
- Koschmider F.* 1958 – Die Palatalitätskorrelation im Slavischen. Heidelberg, 1958.
- Koschmider E.* 1966 – Die sogenannten leicht palatalisieren Konsonanten des Urslavischen // *Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizevskij zum 70 Geburtstag*. München, 1966.
- Krajčovič R.A.* 1975 – Historical phonology of the Slovak language. Heidelberg, 1975.
- Kulbakin S.* 1929 – Le vieux slave. Paris, 1929.
- Lunt H.G.* 1949 – The orthography of eleventh century Russian manuscripts. Ann Arbor, 1949.
- Lunt G.H.* 1955 – Old Church Slavonic grammar. (Mouton), 1955.
- Lunt G.H.* 1956 – On the origins of phonemic palatalization in Slavic // *For Roman Jakobson. The Hague*, 1956.
- Marti R.* 1984 – Old Church Slavonic nasal vowels: V̆ or VN? // *New Zealand Slavonic journal*. 1984.
- Miklas H.* 1988 – Zur Struktur des kirillisch-alkirchenslavischen (altbulgarischen) Schriftsystems // *Palaeobulgarica = Старобългаристика*. 1988. № 3.
- Miller D.G.* 1994 – Ancient scripts and phonological knowledge. Amsterdam, 1994.
- Otrębski J.* 1958 – Gramatyka języka litewskiego. T. I. Wiadomości wstępne. Nauka o głoskach. Warszawa, 1958.
- Phonologie 1967 – Phonologie der Gegenwart. Vorträge und Diskussionen anlässlich der Internationalen Phonologie-Tagung in Wien. Graz; Wien; Köln*, 1967.
- Popovskij J.* 1989 – Die Pandekten des Antiochus Monachus: slavische Übersetzung und Überlieferung. Amsterdam, 1989.
- Rosetti A.* 1973 – Brève histoire de la langue roumaine des origines à nos jours. The Hague; Paris, 1973.
- Shevelov G.Y.* 1965 – A prehistory of Slavic: the historical phonology of Common Slavic. New York, 1965.
- Shevelov G.Y.* 1979 – Historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979.
- Tarnanidis I.C.* 1988 – The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at S. Catherine's monastery on mount Sinai. Thessalonici, 1988.
- Vaillant A.* 1950 – Grammaire comparée des langues slaves. V. I. Paris, 1950.
- Wijk N. van* 1934 – Das altrussische Imperfekt und die russische Konsonantenerweichung // *Indogermanische Forschungen*. 1934. V. LII.
- Wijk N. van* 1937 – La genèse de la mouillière des consonnes dans les langues slaves // *Slavia*. 1937. Roč. XV. Seš. 1.
- Wijk N. van* 1941 – Zum urslavischen sogenannten Synharmonismus der Silben // *Lingvistica Slovaca*. 1941. № 3.

где изучается функциональное поле указанных адъективов, для чего сплошному анализу подвергнуты три номера газ. "Известия", с одной стороны, и по одному номеру газ. "Русский вестник" и "День" – с другой). Можно понять рецензента, привыкшего, как это видно по приведенному пассажи, усматривать в обществе "правых" и "левых", "своих" и "чужих" (кстати, то, что у рецензента "правое", на самом деле оказывается "левым"!)). В нашей монографии эта терминология не употребляется. На с. 7 сказано: «... автор не ограничил себя обращением только к "демократическим" или только к "недемократическим" изданиям, – и те и другие были в одинаковой мере в его поле зрения прежде всего с точки зрения их языковых особенностей». Этому принципа автор монографии и старался придерживаться, тем более что его задачи – лингвистические, а не политические. Практически везде у нас речь идет об "оппозиционной" и "демократической" печати (и притом всегда в кавычках!). Это лишний раз свидетельствует о том, что автор монографии принципиально смотрит на такое разделение общества не с позиций "свои – чужие", а с позиций единства общества, как на условность и в значительной мере искусственность такого разделения. Что касается телепередачи "Итоги" за 17 января и 14 марта 1993 г., о которых речь идет на с. 312 нашей книги, то рецензент мог бы, прояви он настоящую дотошность и усердие, заглянуть в любую газету с телепрограммой за указанный срок и убедиться, что эта телепередача "помещалась" в ту пору именно на телевидении "Останкино", а не на НТВ, передачи которого, кстати, в Тарту ни тогда, когда писалась книга, ни сейчас не транслируются.

Уже в предисловии к монографии отмечено, что "автор не ставил целью раскрыть панораму состояния русского языка конца XX века – усилиями его одного это и невозможно сделать. Он фиксировал свое внимание лишь на том, что ему казалось существенным и в чем-то новым, необычным" (с. XII). Полный и "объективный" лингвистический и социолингвистический анализ он "оставил" для коллективов и институтов. И, кажется, такой анализ они уже начали проводить – см., например, сборник под точно тем же названием, что и наша монография, но вышедший двумя годами позже (Земская, ред., 1996)**. В этом сборнике выступает и наш рецензент. "Весь конец XX столетия" здесь охватывает лишь 1985–1995 гг.! Мы далеки от мысли о том, чтобы считать свой труд идеальным. Есть немало вопросов, которые сейчас можно было бы осветить иначе, а что-то выполнить последовательнее и даже повнимательнее. Но такие просчеты, вероятно, неминуемы, тем более когда исследователь имеет дело с "горячим языковым материалом". Тем не менее книга написана. На ее основе в разных европейских университетах проводятся спецкурсы и спецсеминары, а в научной среде есть и иные, чем у нашего рецензента, мнения – сошлемся на доклад Ю.Н. Караулова Общему собранию Отделения литературы и языка РАН 26 декабря 1994 г. о состоянии русского языка и проблемах его изучения, значительная часть которого опирается на материал и идеи нашей книги (об этом так и заявлено в публикации доклада, см. Караулов 1994; 13–23), а также на обстоятельные рецензии Р. Конте в "Revue des études slaves" (1995, fasc. 4, 772–780), З. Кестер–Тома "Russian Linguistics" (1996, vol. 20, 310–319) и др. И, наконец, еще. Если книга всего лишь "собрание материалов и наблюдений", к тому же односторонних, без композиции и массой "не того, что нужно", то возникает вопрос: зачем писать на нее рецензию и печатать в солидном академическом издании? Разве нет для этого трудов "посерьезнее"? Проницательный читатель, однако, догадается: суть проблемы, вероятно, не только и не столько в самой книге, сколько в некоторых внешних факторах. И приведенные здесь нами контраргументы помогают это понять и несколько иначе отнестись к рецензии Крысина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Костомаров 1994 – Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Земская, ред. 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е.А. Земской. М., 1996.

Караулов 1995 – Караулов Ю.Н. О некоторых особенностях современного состояния русского языка и науки о нем // Русистика сёгодня. 1995. № 1.

А. Дуличенко (Тарту)

** Этот сборник назывался иначе – "Русский язык 90-ых годов XX столетия" (о нем подробнее см. Караулов 1995, с. 14).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи представляются в двух экземплярах; текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке или на компьютере через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3. Библиография в журнале оформляется следующим образом:

3.1. Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

– "Код работы" (фамилия и инициалы авторов, год выхода цитируемой работы), тире, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа "и др." или "et al."

– Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например: Успенский Б.А. 1994 – Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

– Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например: Трубецкой Н.С. 1990 – Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3.

– Если это сборник или иное аналогичное издание, то "кодом" является одно из двух:

а) фамилия и инициалы редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) с указанием "ред." (для других языков – ed., hrsg. и т.п.) и год;

б) сокращенное название и год.

В обоих последних случаях вслед за ключом после тире указывается полное название работы, а после точки – место, запятая, год издания, например:

Greenberg J. ed. 1978 – Universals of human language. V. 1. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Universals... 1978 – Universals of human language. V. 1. Method and theory. Stanford (California), 1978.

3.2. В тексте ссылки на литературу даются в квадратных скобках; фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например [В.В. Иванов 1992: 34], [W. Jones 1890]. Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа: [W. James 1890a]. Под этим же кодом упоминается данная работа в списке литературы.

3.3. Подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию.

4. Непринятые рукописи не возвращаются.

5. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

6. Авторам публикуемых статей направляется копия наборного экземпляра, который является окончательным вариантом сдаваемого в набор материала; корректура авторам не высылается.

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

E.V. Uryson (Moscow). Linguistic image of the world vs. commonsense ideas; V.P. Koneckaja. Axioma, rules and hypotheses in lexicology; R.K. Potapova (Moscow), T.A. Gordejeva (Penza). On juncture in contemporary German (founded on the materials of regional German dialects of the Federal German Republic, Austria and Switzerland); F. Hundsnurscher (Münster). Principles, development and perspectives of the dialogue-analysis; R. Marojevič (Belgrade). Studies on the grammar of Old Russian. II. Possessives of the type *Tvorimirič*; R.M. Krivko (Moscow). Old Russian orthography in the XI century and in the beginning of the XII century in the light of suprasegmental timbre oppositions; M.V. Ivanova (Moscow). Old Russian agiography in the end of the XIV century and in the XV century as a source for the history of literary Russian; N.V. Percov (Moscow). On the problem of the invariant of grammatical meaning. II. The imperative in Russian; Ju.A. Pupylin (St.-Petersburg). Elements of temporal and aspectual system in child speech; **Reviews:** V.B. Krysko, A.N. Šalamova (Moscow). "Ein Rusch Boek". Ein russisch-deutsches anonymes Wörter-und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert; M.M. Makovskij (Moscow). *D.O. Dobrovolskij*. German-Russian dictionary of living idioms; A.V. Morozova (Moscow). *M. Haspelmath*. Indefinite pronouns; **Chronicle features.**

Технический редактор *О.Н. Никитина*

Сдано в набор 29.12.97. Подписано к печати 30.01.98. Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
 Офсетная печать Усл.печ.л. 13,0. Усл.кр.-отт. 22,0 тыс. Уч.-изд. л. 15,7 Бум.л. 5,0
 Тираж 1660 экз. Зак. 3122

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
 телефон 201-74-42

ППП типография "Наука" Академиздатцентра РАН, 121099 Москва, Г-99, Шубинский пер., 6